

Теймураз ЛАНЧАВА
Известный грузинский поэт и прозаик. Родился в 1947 г. в городе Кутаиси. Окончил историко-филологический факультет Кутаисского государственного университета. Работал заведующим литературного отдела Кутаисского драмтеатра им. Л. Месхишвили; редактором филиала издательства «Грузия», заместителем главного редактора газеты «Кутаиси». С 1989 года — председатель Имеретинского краевого отделения СП Грузии. Лауреат литературных премий. Его произведения переведены на русский, армянский, азербайджанский, абхазский, украинский, английский, французский и другие языки.

БЫЛА ВОЙНА

С тех пор как он подросток, он ни разу не смотрелся в зеркало. Сжёг и карточку, сделанную лет десять назад, и успокоился.

Сам понимал, что второго такого уroda нет во всём городе, поэтому избегал людей.

Его всушачилое лицо было изрыто оспинками. Бугристый подбородок словно свиной изжван. Глаза косили, а вместо бровей — чуть приметные рыжеватые ворсинки. Он вечно молчал, и на месте губ образовалась одна лишь прямая линия. На изрядно облысевшей голове, словно картофелина, красовался жирок. На худой шее в разные стороны, как пивьяки, разбегались фиолетовые жилки.

Он был слаб. В ветхом пиджаке, как пугало размахивая худенькими руками, с трудом волочил за собой тяжёлые сапоги с обрешанными голенищами.

Не за кем ему было присматривать, как некому было присматривать за ним. Все встречные отводили от него глаза, и лишь детишки, которые ещё не ведали страха, улыбались ему, и для них у него всегда находилась конфетка-другая.

Ранним утром он в одном конце города встречал восход солнца, а ночью в другом конце взирал на выползавшую на небо луна.

Когда солнце терло тепло, работал кочегаром на одном маленьком заводе, а ранней весной шёл в лесорубы.

Он так привык к острому «Эй, ты!», что на другое обращение не откликнулся. Зарплата тратил на хлеб да курево, а если что оставалось — складывал в какой-то древний сундук, стоявший под кроватью.

Он совсем не чувствовал голода, душившего город во время войны. Теперь

не только дети, но и взрослые не чурались его куска, так что из трупов добытого хлеба ему оставалось сгулькин нос.

В доме, где ему досталась жалкая комнатка, в основном жили рабочие, здоровые мужики, во всем проявлявшие усердие, а уж в увеличении численности населения они принимали такое активное участие, что все диву давались.

Улица начиналась маленьким финским домиком, где жил один лейтенант. Он, помимо того, что был военным и тем привлекал всеобщее внимание, имел красивую жену, красоте которой было просто тесно в том околке. Когда его брали на войну, он долго смотрел на жену влажными, умоляющими глазами.

Но напрасно беспокоился уходящий на войну лейтенант. Всех добрых мужи-

ков вместе с ним погнали на запад. На весь околоток остались лишь урод да горбатый одноглазый пекарь, которого вскоре хватил паралич, высушивший одну его половину, как опшаренную кипятком доску.

А город голодал. И тысячи ненасыщающихся желудков пробавлялись только слюной.

Однажды урод, возвращаясь к себе и заметив у сломанной калитки жену лейтенанта, изменил своей привычке, замедлил шаг и оглядел женщину с ног до головы. В этот миг он напоянил человека, всем сердцем жаждущего приобрести ценную вещь, хотя в кармане нет ни гроша. Косые его глазки заметили, что грустные глаза, глядящие из-под спустившихся на лоб волосы, улыбаются ему, хотя он так и не понял — улыбаются или насмеяются.

В тот вечер к нему пришёл маленький сын лейтенанта. Подтянув спавшие с испухавшего животика штанишки, он сказал:

— Дяденька, я кушать хочу.

Кроме слова «дяденька», ничему не удивился урод. Ещё больше косил глаза — не обманывает ли, мол, слух?

— Кушать хочешь? — спросил он, и мальчуган заметил, как в его шерстяном рту затрепетал язык.

— Да, дяденька.

Урод откинул крышку древнего сундука, достал деньги и вложил их в худую детскую ручонку вместе с куском хлеба.

В ту ночь он лёг голодным, голодным и

тихо множество протянутых худощавых рук. Потом эти руки, растерзав курицу, набросились на золотую шкатулку. Раздался крик, и он очнулся.

Зонтик медленно опускался вниз. У распластанного на земле клоуна с накрашенными губами в глазах постепенно гасли разноцветные огни.

— Прекратят, видно, исполнение номера, — грустно произнёс сидящий рядом верзил.

— Ну да, люди ведь деньги платили! — возразил кто-то.

Вдруг из-за кулис выскочили обнажённые женщины. Лишь у талии у всех узкая оюеска из блестящей материи. Слово серебряные монеты, бросили они в толпу свою красоту и исчезли.

Последним номером показали львов. Не понравились они человеку, вот уж вправду, котят да и только. Осторожно, чтобы не помешать другим, на цыпочках вышел он из здания и остановился у развесистой чинары.

Холод здесь был жуткий. Мороз. Поднёс ко рту ладонь, дохнул в неё паром, потом потёр задевшие уши.

— Пчих! — чихнул.

— Будьте здоровы! — услышал зычный голос. Обернулся. На него смотрел толстый мужчина.

— Простите, за знакомого принял, — извинился толстяк и собрался было уходить.

— Собственно, какое простите. Ведь всё равно, Валик вы или Коля, человек же, так будьте здоровы, и basta!

— Спасибо! — сказал человек, глядя, как поплёлся тот по пёстрой от твоей асфальту. Довольно долго слышалась тяжёлый придых уходящего. Потом он вернулся:

— Неужто верить тому?

— Чему? — удивился человек.

— Что ты не тот?

— Какой ещё тот? — пожал плечами человек.

Из цирка донёсся львиный рык.

— Т-ш! — человек приложил к губам палец.

— Да они каждый вечер рыкают, надоело уже, — рассердился толстяк.

— А львы и должны рычать, — обрадовался человек.

— Друг у меня был, — начал тот, — с ним тебе спутал.

— Друг? И у меня было много друзей, но, оказывается, не было их у меня, — сказал человек и заискусил.

— Валь Шопена? — обрадовался толстяк.

— У соседней был старый граммофон, с тех пор и помню.

— Великолленно!

— Что, свист?

— Я о вальсе говорю.

Человек оборвал свист. Рассмеялся: — На этом месте пластинка сломалась.

— Ай, ай, ай! — всплеснул руками толстяк.

— Ну что, похож я на кого-то? — спросил человек.

— Как две капли воды.

— И свистел тот, как я?

— Ещё как, любую оперу мог исполнить. Ну, мы пришли, — сказал толстяк, остановившись у какой-то калитки.

— Пришли? «И» — окончание множественного числа, — поправил человек.

— Главное, что я пришёл... — улыбнулся толстяк.

— Главное?

— Ещё и то, что такую дальнюю дорогу в беседе скоротали. До свидания!

Когда он свернул с центральной улицы, уже стемнело. Ко-его мерцали лампочки. Дороги пошли поуже. В одном месте чуть в яму не угодили. Из тёмной улочки вновь вышел на широкую освещённую улицу, на одной стороне которой стояло большое, сияющее огнями здание. Из витрины улыббалась женщина-манекен.

На ней было платье в чёрный горошек Глаза голубые, с длинными ресницами и гладкие длинные волосы. В витрину пробралась кошка и сладко прикорнула у неё.

Неожиданно кто-то положил ему на плечо тяжёлую руку. Он вздрогнул. Когда обернулся, первое, что увидел — полированный ствол ружья, висевшего у мужчины за спиной, лишь после этого — жёлтые, как венчики, брови и торчащую из рта панфиру.

— Этот универсам мне в добрую пулю обходится, — уверенно сказал усач.

— А мне в копейку, — улыбнулся человек.

За два года человек построил вели-

усталым. А утром у калитки ему вновь улыбулась смуглая женщина. По всему телу прошёл озноб, он подтянул латаные брюки и смущённо потупился.

Потом целую неделю не было видно ни мальчика, ни женщины.

А дома, только урод клал голову на подушку, чудилось ему, будто лейтенантова жена хохочет над ним, хохочет до слёз, и эти слёзы, словно кипятки в бане, обжигали его всушачилое тело.

Как-то всю ночь шёл снег, и возвращавшийся с работы урод с трудом прокладывая себе дорогу. Он почему-то взглянул на крышу лейтенантова дома, на трубу и, не увидя дыма, огорчённо махнул рукой.

У двери его дома ветер намёл сугроб. Сначала он ногой хотел разметать его, но когда в сапоги набился снег, он сорвал с забора доску и ею расчистил проход.

В комнате стоял жуткий холод, а в керосинке ни капли керосина. Он почистил луповщик, заел её хлебом и завалился спать. Сначала он никак не мог согреть ноги, а когда подоткнул одеяло, его не хватало в длину. Он укрывался ещё куском тонкой, пёстрой, как имеретинский пейзаж, материи и задремал.

Чуть погодя послышался стук. Он подумал, что ему почудилось, но заскрипевшая дверь окончательно разбудила его. Он повернулся на постели и...

У двери стояла красивая жена лейтенанта с заснеженной головой и поспевшими губами.

— Мальчик? — уроду ничего другого не могло прийти в голову. Он поспешно

спрятал под одеяло жидковатое колено.

— Он третий день лежит, — женщина говорила, словно читала с листа, она медленно сделала два шага и присела на край кровати.

Урода обдало жаром, потом по телу побежали мурашки.

— Третий день... — женщина скинула с плеч мужнину шинель и повесила её на спинку кровати.

— Я закутываю, — пробормотал он сильным голосом, но вспомнил пустую керосинку и огорчённо развёл руками. Потом краешком глаза заметил, как дрожащие руки женщины расстегивают пуговицы на платье. Всё было как во сне.

Женское благоухание наполнило всё, благоухание, подобное тому, что испускает при пробуждении нагретая солнцем почка.

Он крепко зажмурился, потом раскрыл глаза и...

По голым её плечам струились локоны.

Ниже живота он не глядел. Опустив голову, он сполз с постели, вытаскил из-под кровати свой сундук, нащупал скользящие денги, дрожащими руками поднял с пола упавшую шинель (казалось, что она всё ещё пахнет лейтенантовым потом), укутал его одереветневшую женщину, сунул в карман денги, потом раскрыл дверь и взглянул на заснеженную дорожку. Когда жена лейтенанта скрылась за сугробами, он сорвал тряпку со старого зеркала.

В эту минуту он был самым красивым мужчиной.

— Только вчера приняли товару на миллион, — сплюнул ночной сторож.

— Какой чёрт тебя из дома прогнал ради чужих миллионов? — вскинул бровь человек. Вновь взглянул на манекен, на кошку у его ног, на задумчивое лицо усача. — Человек твоего возраста сейчас с внуками спит, либо в кресле сидит да денги накопленные пересчитывает.

— Конечно, считать хорошо. Ты скажи, как накопить, — ухмыльнулся сторож.

Мимо с противным воем промчалась машина скорой помощи. На светящемся фонаре резко выделялся красный крест.

— Кто-то, видимо, со смертью борется, — уныло произнёс усач. Снял с плеча ружьё, поставил его дулом вниз и опёрся на приклад.

— Если не желает быть с тобой, отцепись, и точка, — развёл руками человек.

— От чего?

— От души!

— Как это?

— Просто, зажмури глаза и пусть себе катится, куда хочет.

— Трудно, — вздохнул усач.

— Тогда стой и сторожи чужие богатства, — человек попрощался с ночным сторожем, ещё раз глянул на улыбающегося губки манекена и пошёл.

Этого старика я хорошо знаю, — сказал чёрт, когда они отошли довольно далеко.

— Порядочный упрямец он, видно.

— И не говори, может неделю голодать и не пригнуться к хлебу, если он чужой.

— А я бы слюной подавился, — сказал человек.

— Не люблю таких, — скривился чёрт.

— Зато считается честным человеком.

— Ха-ха-ха! — расхохотался чёрт, перекувырнулся и вцепился руками в водосточную трубу.

— Чего смеёшься? — нахмурился человек.

— Как услышу эту фразу, так и смеюсь.

— Почему?

— К кому я пристану, тот забывает это слово. Хочешь, я пристану и к этому старичку, что одной ногой в могиле стоит? Хочешь?

— Не делай этого! — вскричал человек.

— Почему вдруг? — скривился чёрт.

— Только это и положат с ним в могилу.

Жаль последнее отнимать у человека.

— Жалостливое у тебя сердце! — чёрт напряжился и вскричал человеку на плечо. Человек вздохнул, застыл на месте и закрыл глаза.

— Шагай! — приказал чёрт.

— Спать хочу! — зевнул человек.

— С закрытыми глазами иди!

— Не смогу, — опять зевал человек.

— Всю жизнь с закрытыми глазами ходил, а сейчас говоришь, не сможешь? — чёрт вскарабкался ему на шею.

— Устал, очень устал, — сказал человек, задыхаясь.

Чёрт мгновенно прыгнул на землю. Верёвка, которая была прикреплена к поясу человека, оказалась в руках чёрта, он потянул человека, как маленького телёнка, нащепывая: «За мной, вот так, да, за мной».

И человек пошёл за чёртом, который сказал ему: «Закрой глаза и доверяй мне, как доверяешь себе».

За два года человек построил вели-

хотным казалось небо, словно сидишь в кувени и изнутри вверх смотришь.

Город ещё спал, вернее, люди спали. Всё очень напоминало сновидение: окаменевший город, человек с широко раскрытыми глазами и вздыбившиеся каменные столпы.

Он задержался у перекрёстка.

— Иди прямо! — слышалось сзади.

Обернулся, видит: чёрт догнал его, строит рожи, улыбается.

Дороги, разбегающиеся во все четыре стороны, напоминали крест, а он стоял посередине, небритый, оборванный, как Христос перед распятием.

Стой рядом кто-нибудь, посоветуй, — вернись, мол, — вернулся бы.

Единственное жалкое лоскутное одеяло было у него и камин без огня, а впереди длинная холодная зима и...

Поверил чёрту.

По пути увидел здание с раскрытой дверью. Внутри горел свет — обрадовался, заглянул. Никто не воспрепятствовал, он и зашёл.

— Ты что, не спал или прямо с гулянки на похмелье явился? — спросил его краснотёпый пузатый мужик, стоявший за стойкой.

Сел за стол, обернулся к кухне.

— Глухой? — ухмыльнулся толстяк, взял длинный никелированный нож, нарезал тонкие ломти хлеба и положил на тарелку. Потом поправил фарук и, повернувшись к кухне, гаркнул:

— Караман, полнее клади! Первый на почин!

Хлебал и хлебал он деревянной ложкой вкусную похлёбку, сверху того и поллитра водки добавил, потом встал и пошёл к двери.

Рассердился, чего это, мол, ноги заплетаются, а ещё больше рассердился, когда у двери его за руки схватили. Улыбнулся, услышал, что заплатьить забыл.

— Эй, паря! — думали, что он уже не в состоянии, и сами кинулись к карманам, да куда там, не было карманов.

Удивились бескарманному человеку, решили, что добра ждаль сегодня не приходится, хорошо его обматерили, дали лямку под зад и захлопнули дверь.

Водка сильнее разбирала его. Перед глазами всё кружилось, а зад, куда нули, сильно саднил. На повороте споткнулся о камень, растянулся на дороге, а встать даже и не пытался.

Один низенький мужичок замедлил ходил него шаг, хотел поднять, даже нагнулся, но подумал — подниму, а он выше меня! — махнул рукой и смаялся.

Когда в первый раз продал глаза — солнце стояло над головой, когда во второй — миллионер.

— Вставай! — приказал миллионер. Цельх двое суток продержал в вытрезвителе. Думали, придёт кто за ним, сдадим, а заодно и штраф выйшем.

Наконец (это «наконец» было на второй день перед заходом солнца) начальник чино повыше сказал подчинённому — беспризорный он.

— Беспризорный? — обрадовался чинно понижее и тоже дал мужичку под зад.

Голодный и продрогший, остановился на входе одного в голубой цвет окрашенного дома.

На веранде блондинка с расстрепанными волосами развешивала бельё.

Долго рассматривал он сорочки, висевшие на верёвке. Потом на женщину перевёл взгляд. Только собрался уходить, как женщина поправила волосы, оперлась о перила и махнула ему рукой. А он, разинув рот и смотря на неё. Вновь улыбунулся ему блондинка и махнула рукой.

Одним духом одолел он лестницу и застыл на месте. Женщина стояла, нагнувшись.

— Здравствуй! — сказал он, когда женщина выпрямилась, поднимая с пола мяло.

— Пришёл? — женщина спросила так, словно они ещё раньше договорились о встрече, и она с нетерпением ожидала его. Раскрыла дверь и подмигнула ему.

Комната была розовой. На всех четырёх стенах висели маленькие четырёхугольные зеркала. А под ними благоухали цветы персиков.

В одном углу стоял древний рояль с подвесчиками, напротив него — мягкое ложе, такое, что качается туда-сюда и клонит ко сну.

— Как звать-то? — спросила женщина, расстёгивая платье.

Мужчина передёрнул плечами.

— Не хочешь говорить? Секрет? — расхохоталась она.

Горбистов...

Противный дождливый вечер. Кругом сплошная слякоть. В отвиселе брехо хмурого неба вонзились голые ветви деревьев.

В этот месяц откуда-то появляются черти. Не оставая следов, перебегают пашни, сиротливо обнажённые виноградники.

На цыпочках прокрадываются во дворы. Бесшумно просякаются под веранды, втискиваются в оставленные без присмотра амбары. А как стемнеет, по-кошачьи осторожно и ловко взбираются по одной из стен дома, на цыпочках подкрадываются к трубе и заглядывают в неё. Если дым ест глаза — они, обижённые неприступностью человеческого лова, тотчас меняют место. Рассыпаются по просёлочным дорогам, тропинкам, лесным тропам, бесят на могильных плитах.

Горбистов...

Противный дождливый вечер... Чёрт, заглядывая одним глазом в трубу, медленно протягивает тело и, ухватившись передними конечностями, скользит вниз по цепи, висящей в дымоходе.

— Здорово, человек!

— Здорово, чёрт!

— Чего это огонь у тебя не горит?

— Понимаешь, дров пожелал.

— А знаешь, как холодно на дворе?

— Знаю, чёрт.

— А то, что на днях снег пойдёт, знаешь?

— Да, чёрт.

— Человече, холодно мне.

— Этого одеяла мне самому не хватает.

— Удели, человек, и мне немного телла.

— Боюсь, чёрт.

— Меня?

— Нет, самого себя. Сколько телла раздал — назад ничего не вернулос.

— Холодно, человек, очень холодно.

— Так иди в другое место. Сейчас у многих горят камини, иди и грейся.

— Огня боюсь.

— Кто огня боится, тот никогда не согрется.

— Дай в ногах у тебя посижу, устал я очень.

— Чёрт с тобой.

— Красшом одеяла прикрою колени.

— Чёрт с тобой.

— Может, чуточку подвинься к стенке...

— Чёрт с тобой, чёртвое отродье, только уж гляди, не отбрыай у меня это лоскутное одеяло.

— Эй, человек, да ты холоден, как лёд!

— Погоди, думаю...

— О чём?

— О тепле.

Горбистов...

В этот месяц откуда-то появляются черти. Осторожно, бесшумно прокрадываются во дворы, поднимаются по стенам домов, заглядывают в трубы и, если откуда не валит дым, с хохотом врываються в человеческое жильё.

Долго они беседовали.

Чёрт посоветовал ему отправить-ся в город.

— Город велик, — улыбулся нечестный. — Попытай судьбу, ну, что тебе, попробуй ещё раз, — не отступал он, и человек поверил.

Обманул его чёрт.

Поднял человека рано утром, а сам завернувшись в одеяло и задал храпака.

Бедно был одет человек. Штаны на коленях прохудились. Всё, что имел, на себе носил. Холодный ветер пронизывал его до костей. Отпугал тропинку, дорожку, аробную дорожку, прошёл все знакомые